

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.1>

УДК 81'42

ББК 81.055.51.1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVIII ВЕКА В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ¹

Горбань Оксана Анатольевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и документалистики,
Волгоградский государственный университет
o.gorban@mail.ru, iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации категории темпоральности в текстах документов XVIII в., созданных в канцеляриях Области Войска Донского и хранящихся в Государственном архиве Волгоградской области. Выделены лексические, морфологические, синтаксические средства выражения текстового времени. Среди лексических средств отмечены наименования единиц времени, названия месяцев, обозначения отнесенности к тому или иному моменту или отрезку времени, последовательности событий и т. д. Особое место в текстах занимают обозначения конкретных дат, которые фиксируют факты реальной действительности и определяют текстовое время документов как объективное; дата составления документа является точкой отсчета времени всего текста. К морфологическим средствам относятся глагольные формы, которые, группируясь в содержательные блоки, описывающие отношение событий ко времени создания документа, выполняют текстообразующую функцию. Представлена модель такой темпоральной организации войсковых грамот. Синтаксические средства представлены предложно-падежными конструкциями, сложноподчиненными предложениями с временными союзами, деепричастными оборотами, выражающими различные темпоральные отношения. Композиционная и речевая структура документов показывает взаимодействие старых, приказных, и новых традиций в их оформлении и реализации в них категории темпоральности.

Ключевые слова: текстовая категория, темпоральность, документный текст, региональные документы, Область Войска Донского.

1. Данная статья продолжает серию публикаций научного коллектива кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета [1; 3–6; 8; 10], отражающих результаты комплексного исследования региональных документов XVIII–XIX вв. Возможность такого описания памятников деловой письменности обусловлена спецификой их «как текстов, имеющих общие текстовые признаки и в то же время построенных по особым правилам, функционирующих в определенной сфере общественной деятельности, являющихся специфическим средством коммуникации, содержащих историческую, социальную, культурную информацию и, в качестве речевых произведений, представляющих собой среду функционирования разноуровневых языковых единиц» [5, с. 77–78]. Изучение региональных деловых памятников с позиций исторической стилистики, лексикологии, грамматики, лингвистики текста, документной лингвистики и документоведения позволит выявить отраженные в них закономерности формирования национального литературного языка в его функциональных разновидностях, что актуально для понимания как истории делового языка и деловой письменности, так и специфики современных документных текстов. В плане диахронии вызывает интерес эволюция принципов построения этих текстов, развитие средств выражения основных текстовых категорий.

Объектом исследования являются документы канцелярии Михайловского станичного атамана Области Войска Донского, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО, ф. 332, оп. 1; всего 158 ед. хр., 1734–1837 гг.). В одной из наших предыдущих работ были рассмотрены особенности выражения категории локальности (текстового пространства) в документах XVIII в. [4]. Настоящая статья посвящена языковым средствам реализации в них категории темпоральности (текстового времени).

Под темпоральностью понимается «текстовая категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [11, с. 536]. Реализация данной категории в документных текстах характеризуется общими с другими

текстами закономерностями, а также спецификой, которая обусловлена такими свойствами документов, как точность, информативность, стандартизированность, наличие реквизитов и др.

2. Как показал анализ материала, темпоральность выражается разноуровневыми единицами языка – лексическими, морфологическими, синтаксическими.

2.1. Наиболее активны **лексические** языковые средства, к которым относятся имена существительные, прилагательные, наречия различной временной семантики.

Разнообразны по своим значениям имена существительные, представляющие собой общие номинации времени, его отрезков (*время, число, срок*), наименования единиц времени (*день, месяц, год, сутки*), времени суток (*ночь*), названия месяцев (*сентябрь, октябрь, генварь* и др.).

Из имен прилагательных, в число которых включаем и адъективированные причастия, отмечены лексемы, выражающие отнесенность ко времени года (*летний, зимний*), предшествование или следование (*прошлый, прежний, минувший, будущий, приходящий «наступающий»*), длительность временных промежутков (*непродолжительный, скорый, самоскорейший*).

Наречия обозначают время совершения фактов (*ныне, летом*), их периодичность (*обыкновенно, ежегодно*), предшествование или следование по отношению к другим фактам или к моменту речи (*впредь*) и др.

Сочетаясь между собой и с другими контекстуальными средствами, названные единицы организуют текстовое время, фиксируя отнесенность описываемых действий, событий и т. д. к какому-либо моменту времени или его отрезку, одновременность, предшествование или следование по отношению к моменту речи или другим событиям, а также распределение их во времени (длительность, повторяемость) и др. Имена существительные выражают темпоральные отношения, как правило, в определенных падежных и предложно-падежных формах, реализуя свое лексическое значение во взаимодействии с грамматическим значением соответствующей формы, поэтому данные языковые средства носят скорее лексико-синтаксический характер.

Среди способов обозначения времени совершения действия особое место занимает указание его даты, что обусловлено таким свойством деловых документов, как точность. Для этого используются сочетания имен существительных, обозначающих единицы времени, с числительными. Как правило, в подобных сочетаниях сначала называется год, затем месяц и день месяца (число); имена употребляются в форме родительного падежа без предлога, иногда – в предложном падеже с предлогом *в*; числа обозначаются арабскими цифрами, часто с припиской окончания порядкового числительного. Например: *1734г(о) году сентября 26г(о) дня* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1)²; *в нынешнем 1743 году сентября 23 дня* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1 об.). Иногда год указывается после месяца и числа: *апреля 11г(о) и мая 10г(о) чисель 1722г(о) году* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1 об.).

При назывании года может уточняться совпадение или несовпадение его со временем написания документа; так, предшествующий год называется словами *прошлый, минувший, последующий* – прилагательным *будущий*, текущий – прилагательным *нынешний*, местоимением *сей*, например: *сего 1735 го(ду) января 16г(о) дня писал к намъ... Иванъ Максимовичъ Шуваловъ; что де сего января 12г(о) дня в доношении... написано минувшаго декабря 21г(о) дня 734г(о) году... причислень в оной полкъ из беглых рекрут в ызвоицики Василеи Мазуринъ, а сего де января 11г(о) дня в ночи из оного полку бежал* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2), здесь в рамках одного текста определения *сего* и *минувшаго* помогают подчеркнуто точно «развести» даты событий, относящиеся к разным годам, и их последовательность. Местоимение *сего* само по себе может указывать на текущий год без его уточнения: *сего года октября 15г(о) дня* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3); *сего октября 14 дня* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1) и др.

Точно датируются в текстах, как правило, факты, послужившие основанием для принятия решения, распоряжения, иных управленческих действий (получение высочайших указов, происшествие и т. д.), имеющие правовое значение (год рождения, поселения и

под.). Основной текст документа может начинаться с указания даты совершения события, которое, собственно, и фиксируется документом как правовой акт, например: *1749 году февраля 26 дня Михайловской станицы станицнои атаман Тимофеи Устиновъ при собрани полного станицного збору козаковъ допрашивал онои же станицы козаковъ Ефима Усова, Ивана Саранина...* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5); *Сего августа 15г(о) дня ... на полном нашем станицном зборе мы справлялис...* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 9); *1755го годъ генваря 10го дня принел я у Василья Панамаря церьковныхъ зброинныхъ денег трицать шесть рублевъ* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1) и др. Иногда эта дата является и датой составления документа, как, например, в расписке: *1753 году августа 2г(о) дня мы нижеподписавшиеся реки Медведицы Березовской станицы станицнои атаман Леонтеи Тачин старики и всея станицы казаки ... сию нашу подписку дали и станицною печатью утвердили* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 3).

В начале текста может называться время издания или получения другого документа, побудившего к осуществлению описываемых в тексте действий: *Сего 755г(о) году марта 9г(о) дня получили мы нижашшие от вашего высоко родия и всего воиска Донскаго воисковую грамоту* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 11, л. 5).

Кроме того, обязательным компонентом содержания является темпоральная характеристика движения самих документов – их составления, рассылки, получения, что закрепляется в соответствующих реквизитах (дата составления, отметка о получении) либо включается в повествование. Под реквизитом понимается обязательный элемент содержания, придающий документу правовую силу. Полагаем, что по отношению к рассматриваемым документам XVIII в. это понятие вполне применимо, хотя состав реквизитов, их оформление определяются сложившимися на тот период традициями, вариативны и во многом отличаются от современных требований.

Реквизит «дата составления документа», как правило, содержится в конце текста. В войсковых грамотах он вводится формулой

«*Писана въ Черкаскомъ ... года(у), ... месяца, ... дня*». В других документах, в частности в рапортах, доношениях и под., реквизит представляет собой сочетание цифр и слов, называющих год, месяц, день (последовательность может варьироваться), отделен от основного текста и располагается под ним с отступом одну – две строки, слева на листе.

Традиция оформления места и даты составления документа при помощи конечной речевой формулы «*Писана в ... (место, год, месяц, число)*» сложилась в московских приказах примерно в XVI–XVII вв. Древнерусские документы (грамоты) могли не датироваться; если же время написания грамоты указывалось, то это было предложение, включенное в текст, в котором обозначался словами либо комбинацией слов и букв в числовом значении год, при этом сама формулировка могла существенно варьироваться, например: *Коли ся. грамота писана. ишль былъ. о(т) р(о)ж(ьс)тва г(оспод)ня. до сего лета. ѿ .лѣ(т) и .сѣ(т)лѣ(т) и .иѣ(т) и .кѣ(т)*. (Грамота 1229 г., сп. 1277–1279, смоленская); *си же грамота писана бы(сть) ищъло было отъ р(о)ж(ьс)тва г(оспод)ня до сего лета. ѿ .лѣ(т) и две сте летъ и осмь десять летъ и три лета. а на четвертое лето писана* (Грамота 1284 г., 2-я, смоленская) и др.

Грамоты XVI в. отражают процесс становления единообразного оформления даты документа. Среди них также есть недатированные и датированные. Датирование грамоты выражается разными речевыми формулами с использованием словесных и/или буквенных обозначений чисел, например: *Писана въ дмитрове лет(а) .зѣ(т) седмаго на десят, февраля в трети на десят день* (Жалованная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича, 1509 г.); *А даную грамоту писал фомка митинъ сын сын пестова. лета .зѣ(т) тысящ осмаго на дестъ* (Данная грамота М.И. Киндырева, 1509/10 г.). Встречаются также устойчивые выражения, которые затем закрепятся в приказных документах XVII в. как обязательные элементы текстов: *Писан(а) воздвиженском лет(а) .зѣ(т) сентября .кѣ(т)*. (Указная грамота в. кн. Василия Ивановича, 1525 г.); ср.: *Совершена сия книга... лета .зѣ(т) рнз го, генваря, в .кѣ(т) д(е)нь* (Соборное уложение, 1649 г., л. 338). Именно этот

способ фиксации времени создания документов, только с использованием не букв, а цифр для обозначения чисел, сохраняется в рассмотренных войсковых грамотах середины XVIII века.

Выделение реквизита «дата составления документа» из основного текста, отмеченное в других документах, отражает новые требования делопроизводства, вводимые после петровских реформ, и свидетельствует о зарождении современных форм документов со свойственной им композиционной дискретностью.

Реквизит «дата получения документа» вводится речевой формулой «*Получено ... года ... месяца ... дня*», которая пишется вдоль левого или – реже – верхнего края листа. Однако отнесение его к средствам реализации текстовой категории темпоральности проблематично. С одной стороны, отметка о получении ставится не адресантом, а адресатом (или его представителем) в том учреждении, куда направляется документ, после того как документ составлен, и имеет относительную самостоятельность; визуально она также отграничивается от основного текста, будучи помещенной на полях, а при написании вдоль левого края листа эта строка оказывается перпендикулярной остальным строкам. С другой стороны, данная помета может косвенно соотноситься с содержанием документа; например, в войсковых грамотах часто встречается типовое выражение, предписывающее исполнение соответствующего указания: *и какъ сия наша войсковая грамота вами ... получена будет, и вамъ ... по вышеписанному непременно исполнение чинить* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 8, л. 14 об.). Сроки выполнения при этом не уточняются из-за их неопределенности; дата получения грамоты адресатом и оказывается той предполагаемой временной вехой, относительно которой ориентированы предписываемые ему действия.

Иногда в качестве временного ориентира при определении даты или срока используются наименования каких-либо событий, церковных праздников и под.: *в которую должность и вступить ему с приходящего Михаилаовского богоевленского ярмонка* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5), где такой вехой, за которой последует действие (вступ-

ление в должность), является ярмарка в наступающий Богоявленский (крещенский) праздник; известность времени календарного праздника снимает в данном случае необходимость уточнения даты.

Датирование излагаемых событий сигнализирует о том, что текстовое время непосредственно отражает внетекстовую реальность и является объективным, а дата создания документа служит конкретной, реальной точкой отсчета, относительно которой выстраивается темпоральная «сеть» событий. Это представляется характерной чертой деловых документов как изучаемого, так и других периодов (см. о современных официально-деловых текстах [9, с. 75–78]).

Передаче реального времени способствуют и некоторые другие языковые средства с временным значением: словосочетания (*завтрашнего числа, будущего сентября, на сих днях* и под.), наречия (*ныне*) и др.

Лексические и лексико-синтаксические средства выражают не только точку на оси времени, но и различные временные отрезки, при этом акцент может делаться на продолжительность данных отрезков в единицах времени (*суток по двоя и по троя, месяца з два, полгода, пять летъ, осмимесечную бытность*) либо на их границах (*от нынешнего времени по май месяц, от октября по апрель, с апреля даже до октября*).

Текстовое время реализуется также через различные темпоральные отношения описываемых событий – предшествования, одновременности, следования. Для рассмотренных документов значимой оказывается фиксация конкретных дат (в том числе даты создания документа), сроков, иных моментов, фактов, до или после которых происходят события, выполняются предписываемые действия и т. д. Например, предписание совершения действия к определенной дате: *и явитца сего м(еся)ца конечно къ 17му числу* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5 об.); *и приказали бѣ имъ явитца сего сентября къ 20му числу* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8 об.); описание событий, предшествующих времени создания документа или следующих за ним: *где и имеет жителство до сего времени* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2); *где какъ вышеозначено пон(ы)не находитца*

(ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 12); *дабы они впрѣд к службе лутьче себе исправить могли* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 5 об.); временная характеристика относительно других событий: *они при том до самого возвращения с командирования пробыли восемь месяцевъ* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 5 – 5 об.); *такъ лебязеи пухъ в Москву присланъ от меня с пенками и з жиромъ и затѣм отсыланъ был к городу Архангелскому* (так!) (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 11, л. 4); *чтоб намъ всепокорнейшимъ с получения объявленной вашей воинской грамоты на полном нашемъ станицномъ зборе достоверную справу возымел* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3 об.), здесь такой вехой является получение документа адресатом.

Очень часто при указании «отправных» моментов отмечается и срочность выполнения действий, т. е. подчеркивается краткость последующего временного промежутка, в течение которого должно быть действие исполнено; для этого используются выражения *в немедленном времени, неотлагательно, без задержания, самоскорейшем времени, тотъ часъ* и под.

2.2. На морфологическом уровне средством реализации текстовой категории темпоральности выступают видо-временные и другие формы глагола, обозначая абсолютное (по отношению к моменту речи или времени создания документа) или относительное (по отношению к другому действию) время, повторяемость, длительность и т. д. Глагольные формы заполняют темпоральное поле текста и в сочетании с лексическими маркерами либо без них выражают развертывание описываемых действий и событий во времени. Их соотношение определяется содержанием и в каждом документе индивидуально. Однако в текстах можно выделить группы глагольных форм, которые образуют темпоральные блоки, соотносящиеся с теми или иными структурно-композиционными частями. Стандартизированность документов, наличие формуляра обуславливают общность моделей организации текстов одного жанра (вида документа) в плане их темпоральной структуры.

Временной «точкой отсчета» для всего текста выступает дата составления документа. Содержание текста в плане темпорально-

сти может соотноситься также с действием, обозначенным глагольной формой настоящего времени в перформативном значении. В войсковых грамотах это словоформа *объявляемъ* в начальной формуле документа: *От донскихъ атаманов и казаков ... по ... казачьимъ городкамъ станищнымъ атаманом и казакамъ объявляемъ* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3). Она соотносится с датой составления документа и совпадает с тем действием, которое выполняет составитель, – сообщает о решении, распоряжении и т. д. В других документах перформатив может содержаться в середине текста: *на оное вашему высокоблагородию и всему войску Донскому всепокорнейше доносимъ...* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3 об. – 4); в конечных формулах, например вводящих реквизит «подпись (адресант)»: *О семъ доноситъ* вашему высокоблагородию и всему войску Донскому *Михаиловской станицы атаман Трифон Калинин старики и всеи станицы казаки* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 7 об.); *О сем покорнейши репортует* *Михаиловской станицы станищной атаман Григореи Пеков старики и вся станицы казаки* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 9, л. 9 об.) и др.

В документах, отражающих разного рода постановления, распоряжения и под., все действия и события в целом разделяются на два основных блока – предшествующие моменту речи (создания документа) и следующие за ним; могут также называться действия, одновременные ему. Группируясь в эти блоки, глагольные формы выполняют текстообразующую функцию.

Предшествующие и одновременные действия выражаются формами прошедшего и настоящего времени, спрягаемыми и неспрягаемыми (действительными и страдательными причастиями); эти формы могут функционально различаться как абсолютные и относительные, обозначая отношение действий ко времени создания документа либо ко времени другого действия. Данный содержательный блок по сути представляет собой изложение фактов или описание существующего положения дел, послуживших основанием для принятия решения и создания документа, фиксирующего это решение. Сюда могут включаться прямая и косвенная речь, развернутое пове-

ствование о событиях, предшествующих появлению документа, а значит, и другие временные формы в абсолютном и относительном употреблении, передающие разнообразные взаимоотношения действий между собой. Временная характеристика действий дополняется аспектуальной, отражая их распределение во времени – длительность, повторяемость, обычность, начинательность и т. д.

Например, в войсковой грамоте об отводе лугов для почтовых лошадей отмечается следующее соотношение глагольных форм:

Трехостровенской станицы казакъ упрвляющеися почтъмеистерскую должность Зеновеи Рвачовъ сего генворя 9го дня намъ войску Донскому в доношении написал (1) для доволства яде в летняя время почтовыхъ ведомства ево лошадеи имеются самая скудныя и тесныя места да и те едва на все опахоны <...> трова на оных местахъ ежелетно станищными скотскими стадами потравлена и потолочена бываеть и по той бескормицы почтовые лошади на хлеба казачьи заходятъ а хозяева ловятъ и с почтовыхъ казаковъ за потраву и потолоку денежно[ю] заплакою допрвляють а особливо же Правоторовск[ои] станицы казаки у трехъ почтовыхъ лошадеи фосты обрезази а другихъ фостами к дереву привезав держали сутокъ по двоя и по троя <...> (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3).

В приведенном фрагменте словоформа глагола совершенного вида прошедшего времени *написал* (*доношение*) в абсолютном употреблении обозначает конкретное действие (с указанием даты), предшествующее созданию грамоты; далее излагается существующее положение дел, при этом презентные формы *бываает*, *заходят*, *ловят*, *допрвляють* передают повторяющиеся действия на протяжении временного промежутка, включающего момент написания доношения (настоящее расширенное); претеритальные формы *обрезали* совершенного вида и *держали* несовершенного вида обозначают факты, предшествующие времени написания доношения, выражая соответственно конкретно-фактическое и конкретно-процессное значения; названные словоформы таким же образом соотносятся со временем создания самой грамоты, поэтому их употребление можно определить и как относительное, и как абсолютное.

Последующие события могут описываться с использованием глагольных форм бу-

дущего времени, инфинитива, а также прошедшего времени в придаточном предложении с союзом *чтобь*. Футуральные формы обозначают действия, которые будут происходить в реальном будущем, а инфинитив и претеритум – предписываемые действия, осуществление которых предполагается в будущем. Точка отсчета для этих действий может быть обозначена в сообщении о принятии решения, получении распоряжения и т. д. (возможно с указанием его даты). Например, в цитированной выше войсковой грамоте:

*сего генвоя 9го дня приговорили и з воиском Донским <...> вам станицным атаманам и казакам при каждой почты для корму в летнее время почтовым лошадам **отвесть** места <...> вокруг на две версты тако ж для зимнего времени ко удовольствию оных почтовых лошадей укошению сель **показывать** при каждое ж почте надлежащая с хорошим селом луга **дабы** ... оные лошади изнурясь и к почтовой гонбе неспособными явятся **не могли*** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3 – 3 об.).

Форма прошедшего времени совершенного вида *приговорили* в перфектном значении близка по своей функции перформативу; подобное употребление было свойственно формам перфекта в древнерусских грамотах [2, с. 25; 7, с. 174–176]; ср.: *Се азъ мстиславъ володимиръ с(ы)нъ ... повелель есмь с(ы)ну своему всеволоду отдати...* (Грамота в. кн. Мстислава Владимировича, ок. 1132 г.). Остальные глагольные словоформы обозначают предписываемые (*отвесть*, *показывать*) и желаемые (*дабы* ... *не могли*) действия, которые отнесены к плану будущего.

В тексте документа может быть еще одна точка отсчета для времени совершения предписываемых действий – это факт получения документа адресатом, выраженный в типовой формуле концовки текста: *и какъ вами котою станицею сия наша войсковая грамота получена будетъ и вамъ о томъ ведать и по вышеписанному непременно исполнение учинить* (ед. хр. 3, л. 3 об.). В данном случае форма будущего времени *будет* (*получена*) относит время получения документа адресатом в план будущего, следующий за временем создания грамоты, а формы независимого инфинитива называют действия, исполнение которых наступит после получения распоряжения.

Темпоральное поле войсковых грамот, образуемое глагольными формами, можно представить в виде следующей модели:

{(объявляем) – <описание предшествующих событий или существующего положения дел> – <перечисление последующих действий> – (как сия грамота получена будет – <перечисление предписываемых действий>) – <дата составления документа>} – ({дата получения документа}).

Здесь фигурными скобками обозначены границы текста (запись о получении грамоты не входит в изначальный текст), в круглые заключены факультативные компоненты; шрифтом выделены «точки отсчета» времени действий, из них одинаковым шрифтом – соотносящиеся в тексте компоненты. «Крестостекстовая» связь перформатива (если он представлен) и даты составления документа, а также межтекстовая связь типовой формулы о получении грамоты и делопроизводительной записи о дате ее получения (если есть) являются теми скрепами, которые обеспечивают единство текста в плане темпоральности.

2.3. Среди синтаксических средств реализации категории темпоральности отмечены предложно-падежные конструкции (они реализуют свою семантику, как уже говорилось, в совокупности с лексическим значением слов), а также сложноподчиненные предложения с придаточными времени и условия, с союзами *когда*, *егда* «когда», *какъ* «когда», *ежели* «если», деепричастные обороты. Сложные предложения, деепричастные обороты выражают временные отношения описываемых действий. Например: *лебедеи стреляють лет[омъ] [к]огда они плодятъ и линяють* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 11, л. 4), здесь выражена одновременность событий; *и ежели когда явитца о поимке и об отсылке п[исать] куды надлежитъ* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2 – 2 об.); *и какъ вы ... сию нашу грамоту получите и вам ... учинит по вышеписанному непременно* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3 об.); *и быв в рекрутах м(еся)ца з два бежал* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3 об.); в приведенных контекстах выражается последовательность действий. По сравнению с предложно-падежны-

ми конструкциями сложные предложения представляют собой менее используемое средство.

3. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что категория темпоральности в текстах документов XVIII в. канцелярий Области Войска Донского реализуется разнообразными лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами, которые выражают время совершения событий как точку на временной оси, а также их отношение (одновременность, предшествование или следование) к моменту речи (создания документа) или другому событию.

Характерной особенностью документов является отражение в них объективного реального времени, что достигается указанием конкретных дат совершения событий. Датируются также составление документа, рассылка, получение адресатом и другие факты его реального существования, которые выступают «точкой отсчета» текстового времени. При всем разнообразии языковых средств реализации категории темпоральности тенденция к стандартизации документов, наличие формуляра документов одного вида, устойчивых речевых оборотов дают возможность выявить некоторые модели темпоральной организации текстов как результат того, что официально-деловая практика в многообразии реальных ситуаций стремилась установить определенную однотипность и представить ее единым способом.

Рассмотренные документы свидетельствуют о взаимодействии различных традиций деловой письменности – восходящих к деятельности старых приказов и формирующихся в новой системе управления государством. Приказные традиции в наибольшей степени сохраняются в войсковых грамотах, которые в рассматриваемый период представляли собой специфические документы, функционирующие в Области Войска Донского, не подвергшиеся еще законодательной регламентации: им свойственна большая связность текста, невыделенность из текста реквизитов, в том числе даты создания документа. Другие, новые, формы документов характеризуются дискретностью текста, которая достигается за счет постепенного вычленения реквизитов как значимых компонентов его структуры, в том числе вычленения временных «точек от-

счета» для всего текста, каковыми являются реквизит «дата составления документа», некоторые клише, иные элементы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-34008 «Речевая структура документов Области Войска Донского XVIII–XIX вв. как отражение взаимодействия различных культурно-языковых традиций».

² При цитировании источников имена собственные приводятся с прописной буквы; предлоги и союзы отделяются от последующей словоформы; буквы, вышедшие из употребления, передаются соответствующими знаками современного алфавита; выносные буквы даются в строке; титла раскрываются с указанием пропущенных знаков в круглых скобках; восстановленные буквы в испорченном тексте даются в квадратных скобках. В остальных случаях сохраняется орфография и пунктуация оригиналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова, И. С. Функции славянизмов в региональном деловом языке XVIII века / И. С. Герасимова // *STUDIUM JUVENIS*. – Вып. 6. – Челябинск: СИМАРС, 2013. – С. 22–25.
2. Горбань, О. А. Выражение темпоральности текста в древнерусских грамотах / О. А. Горбань // *Актуальные проблемы общественных наук и творческих профессий (философия, история, социология, культура, искусство, религия)*. – Вып. 5. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2010. – С. 19–30.
3. Горбань, О. А. Глаголы движения и их производные в текстах региональных документов XVIII века / О. А. Горбань // *Предложение и слово* / отв. ред. С. В. Андреева. – Саратов: Науч. кн., 2013. – С. 356–363. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Горбань, О. А. Категория локальности в текстах региональных документов XVIII века (на материале документов канцелярии Области Войска Донского) / О. А. Горбань // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. – 2013. – № 7. – С. 21–30.
5. Горбань, О. А. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания / О. А. Горбань, Е. М. Шептухина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение*. – 2013. – № 3 (19). – С. 76–84.
6. Дмитриева, Е. Г. Развитие значений эмотивов в языке деловых документов / Е. Г. Дмитриева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение*. – 2013. – № 2 (18). – С. 23–27.

7. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., перераб. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 872 с.

8. Маноцкова, И. С. Текстобразующая функция церковнославянизмов в деловых региональных документах XVIII века / И. С. Маноцкова // Сборник научных трудов студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых. – Вып. 4 / сост. Е. М. Шептухина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

9. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

10. Саидгасанова, Э. У. Композиция текстов региональных документов XVIII века / Э. У. Саидгасанова // STUDIUM JUVENIS. – Вып. 6. – Челябинск : СИМАРС, 2013. – С. 63–65.

11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

REFERENCES

1. Gerasimova I.S. Funktsii slavyanizmov v regionalnom delovom yazyke 18 veka [Functions of the Slavisms in the Regional Official Language of the 18th Century]. *STUDIUM JUVENIS. Вып. 6* [STUDIUM JUVENIS. Iss. 6]. Chelyabinsk, SIMARS Publ., 2013, pp. 22-25.

2. Gorban O.A. Vyrazhenie temporalnosti teksta v drevnerusskikh gramotakh [The Expression of the Text Temporality in the Old Russian Charters]. *Aktualnye problemy obshchestvennykh nauk i tvorcheskikh professiy (filosofiya, istoriya, sotsiologiya, kultura, iskusstvo, religiya). Вып. 5* [Current Problems of the Social Sciences and the Creative Professions (Philosophy, History, Sociology, Culture, Art, Religion). Iss. 5]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2010, pp. 19-30.

3. Gorban O.A. Glagoly dvizheniya i ikh proizvodnye v tekstakh regionalnykh dokumentov XVIII veka [Verbs of Motion and Their Derivatives in the Texts of Regional Documents of the 18th Century]. Andreeva S.V., ed. *Predlozhenie i slovo* [Sentence and Word: Collected Scientific Papers]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2013, pp. 356-363. 1 electronic optical disc (CD-ROM).

4. Gorban O.A. Kategoriya lokalnosti v tekstakh regionalnykh dokumentov XVIII veka (na materiale

dokumentov kantselyarii Oblasti Voyska Donskogo) [The Category of Locality in the Texts of Regional Documents of 18th Century (Based on the Documents of the Don Host Land Office)]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya*, 2013, no. 7, pp. 21-30.

5. Gorban O.A., Sheptukhina E.M. Regionalnye dokumenty XVIII veka: aspekty lingvisticheskogo opisaniya [Regional Documents of the 18th Century: Aspects of the Linguistic Description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 3 (19), pp. 76-84.

6. Dmitrieva E.G. Razvitie znacheniy emotivov v yazyke delovykh dokumentov [The Development of the Emotive Meanings in the Official Document Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 2 (18), pp. 23-27.

7. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod Dialect]. 2nd ed., rev. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 872 p.

8. Manotskova I.S. Tekstoobrazuyushchaya funktsiya tserkovnoslavyanizmov v delovykh regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Text-Forming Function of the Church Slavisms in the Regional Official Documents of the 18th Century]. Sheptukhina E.M., ed. *Sbornik nauchnykh trudov studentov, magistrantov, aspirantov, molodykh uchennykh. Вып. 4* [Collection of the Scientific Works of Students, Master Students, Postgraduate Students, Young Scientists. Iss. 4]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2013. 1 electronic optical disc (CD-ROM).

9. Matveeva T.V. *Funktsionalnye stili v aspekte tekstovykh kategoriy. Sinkhronno-sopostavitelnyy ocherk* [Functional Styles in Terms of Textual Categories. Synchronous and Comparative Essay]. Sverdlovsk, Izd-vo Uralskogo universiteta, 1990. 172 p.

10. Saidgasanova E.U. Kompozitsiya tekstov regionalnykh dokumentov XVIII veka [The Composition of the Regional Document Texts of the 18th Century]. *STUDIUM JUVENIS. Вып. 6* [STUDIUM JUVENIS. Iss. 6]. Chelyabinsk, SIMARS Publ., 2013, pp. 63-65.

11. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 696 p.

**REGIONAL DOCUMENTS OF THE 18th CENTURY
IN TERMS OF THE TEMPORALITY CATEGORY**

Gorban Oksana Anatolyevna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
o.gorban@mail.ru, iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of actualizing the category of temporality in the document texts of the 18th century, made up in the offices of the Don Army Land and kept in the State Archive of Volgograd region. The author highlights the lexical, morphological and syntactic means of text time expression. They include the names of time units, months, designations of reference to a particular moment or to the length of time, the sequence of events, etc. The special place in the texts is occupied by the specific dates which record the facts of reality and define the text time of document as objective period. The date of drawing up the document is the starting time point of the entire text. The morphological tools include verbal forms which are grouped into content units. They describe the correlation between events and the time of document creation and perform the text-forming function. The model of such temporal organization of the army charters is presented in this paper. The syntactic means are expressed by prepositional-case structures, complex sentences with temporary conjunctions, adverbial participles expressing different temporal relations. The compositional and speech structure of the documents demonstrates the interaction of the old and new traditions of their design and the actualization of temporality in them.

Key words: text category, temporality, document text, regional documents, Don Army Land.